

**РОМАНЫ
МАРИИ ВОРОНОВОЙ**

МАРИЯ ВОРОНОВА

ПОГРУЖЕНИЕ
В ОТРАЖЕНИЕ

Москва
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В75

Художественное оформление серии А. *Дурасова*

Издание осуществлено при содействии
Н. Я. Заблоцкиса

Воронова, Мария Владимировна.
В75 Погружение в отражение / Мария
Воронова. — Москва : Эксмо, 2020. — 448 с.
ISBN 978-5-04-109797-4

Пойман серийный маньяк, убивавший мальчиков, и дело передано в суд. Но оно оказалось не таким простым, как выглядело. Участь Еремеева, предполагаемого убийцы, в руках трех женщин — судьи Ирины, адвоката Веры и его любовницы Ларисы. Но от решения каждой из них зависит не только будущее Еремеева, но и их собственная жизнь. Нужно все хорошо взвесить, потому что, какой бы выбор ни сделали эти женщины, они навсегда изменят свою судьбу.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Воронова М., 2020
© Оформление.
ISBN 978-5-04-109797-4 ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Никита нетерпеливо стучал в дверь, просил поторопиться, но Лариса так и сидела на дне ванны, подтянув колени к подбородку. Вода из душа лилась почти холодная, Лариса замерзла, но сил протянуть руку к новенькому венгерскому смесителю не было.

После всего она стала мыться несколько раз в день: включала воду на полную мощность и терла себя мочалкой изо всех сил, но это не помогало, Лариса по-прежнему чувствовала себя оскверненной и мерзкой. Она быстро поняла, что вода ничего не смывает, но при каждом удобном случае уходила в ванную. Иногда даже не раздевалась, просто садилась на бортик и смотрела, как течет вода и, закручиваясь, убегает в слив.

Она надеялась, что со временем успокоится. Не сразу, не через месяц и даже не через год, произошедшее, нет, не забудется, конечно, не утечет без следа, но потеряет остроту и перестанет больно ранить. Когда-нибудь... Но дни шли, а легче нисколько не становилось.

Муж крикнул: «Лариса, выходи!» — уже с явным раздражением в голосе, и она очнулась.

Лариса встала, растерлась полотенцем, надела махровый халат и принялась сушить волосы феном.

Какие бы кошки ни скребли на сердце, а на публике надо выглядеть отлично — этот закон она усвоила еще в детстве.

Лариса накрутила локон на щетку и вздохнула. Когда-то она обожала причесываться и наряжаться, но теперь не могла даже вспомнить, каково это — нравиться себе.

Фен был новым, импортным и страшно дефицитным, но работал слабенько, не то что плойка «Этюд», могучее побочное дитя оборонной отрасли. Там прядь за несколько секунд принимала благородную форму древесной стружки, а с этим аппаратом приходилось повозиться.

Из зеркала на нее смотрела мрачная, потухшая женщина, и Лариса изо всех сил растянула губы в улыбке. Сойдет.

Обычным советским гражданам следует подтрунивать над фальшивыми улыбками американцев, презирать и немножко жалеть этих лицемерных людей, вынужденных скрывать свои раздавленные капиталистическим гнетом души под веселыми масками, но на то они и обычные.

А нормальные люди с удовольствием перенимают этот стиль, ведь за улыбкой можно многое скрыть. Почти все.

Лариса побрызгала на прическу лаком, почти не глядя в зеркало. Волос у нее богатый, и цвет интересный: медно-рыжий, настоящий тициановский, так что голова всегда в порядке.

Постояв в задумчивости перед распахнутым шкафом, она выбрала прямую черную юбку и нарядный ангорский свитер с рукавом «летучая мышь». Нежный бирюзовый цвет очень шел Ларисе, но важно было одеться не красиво, важно было одеться точно.

А красота... Разве она теперь имеет на нее право?

Муж нетерпеливо кашлянул. Готовый для выхода, он стоял на пороге, хмурясь и многозначительно крутя на пальце ключи от машины.

— Сейчас, сейчас, — Лариса улыбнулась и заставила себя посмотреться в зеркало. Маленькая щуплая женщина, но одета со вкусом. Она быстро тронула губы блеском и только на секунду задержала руку над полочкой с духами. «Шанель»? Нет, все-таки «Клима»! И совсем чуточку.

Лариса почти не пользовалась косметикой. Когда снежно-белая кожа даже зимой покрыта густой россыпью ярких веснушек, невозможно подобрать помаду и тени так, чтобы они не выглядели вульгарной раскраской. А на густых рыжих ресницах почему-то любая тушь смотрится как гуталин.

«На тебя солнышко чихнуло», — говорила бабушка, и Лариса, в общем, гордилась своей необыкновенной внешностью. А теперь стала ненавидеть. Если бы она была обычной серой мышкой, он бы не заметил ее, прошел мимо... И сейчас она была бы спокойна.

Они поехали на своей машине. Муж любил водить, а кроме того, если ты за рулем, то имеешь полное право отказываться от спиртного.

С черного низкого неба вдруг посыпался снег и, искрясь в желтом свете уличных фонарей, стал засыпать лобовое стекло. Муж включил дворники, и сквозь их мерные взмахи Лариса смотрела на темные дома Петроградской стороны, вдоль которых по узким тротуарам шли редкие прохожие: снегопад дарил им высокие белые шапки и нарядные эполеты. На перекрестке остановились,

и Лариса смотрела, как дорогу переходят женщина с маленькой девочкой. Ребенок сосредоточенно тащил за собой санки, и восседающего на них медведя совсем замело.

Сердце кольнуло привычной и оттого мимолетной болью. Лариса отвернулась.

Наконец подъехали к большому серому дому, раскинувшемуся на Кировском проспекте. Никита поставил машину на улице, и в высоченную арку с гигантским фонарем они вошли пешком.

Отец мужа работал заведующим отделом ЦК КПСС, жил с женой в Москве, а это была «наша ленинградская квартира». Лариса тоже происходила из номенклатурной семьи, но рангом пониже, и жизнь на два города, когда можно приехать на выходные, просто чтобы сходить в Кировский театр и повидаться с сыном и старыми друзьями, представлялась ей неслыханной роскошью.

В «нашей ленинградской квартире» свекровь хозяйничала сама. Открыв дверь, Ангелина Григорьевна расцеловала сына с невесткой, убрала в шкаф их почти невесомые финские куртки Luhta и пригласила в гостиную, обставленную с обманчивой скромностью и простотой. Неброская, сдержанная мебель казалась невзрачной, но это был настоящий антиквариат, а не дефицитный финский ширпотреб, которым выхвалялись директора магазинов и прочая подобная публика.

Они пришли первыми, и Лариса, повязав фартук, помогла свекрови накрыть на стол. Нарезала тонкими ломтиками сервелат и твердый, но легкий и ноздреватый, как пемза, сыр, сочащийся слезой и терпким ароматом. Деликатесов на столе было ровно столько, сколько нужно. Балык — да,

но икра только красная, и немного. Зато свекровь испекла свои фирменные пирожки и подала с бульоном, на сладкое сделала «Наполеон», а в качестве коронного блюда презентовала нечто под названием «шопский салат», рецепт которого ей дали товарищи из Болгарии.

Когда прибыли гости — начальник отдела оборонной промышленности горкома партии и председатель горисполкома с женами, — Лариса вздохнула с облегчением. Она оделась совершенно правильно. Это не официальный прием, просто ужин в кругу старых друзей, поэтому только чуть наряднее, чем в будни, вещи хорошие, но не самые лучшие. И духи она тоже выбрала такие, как надо, как положено молодой жене молодого перспективного руководителя. Ей пока только «Клима», а «Шанель» для этих крупитчатых женщин. И шубок, как у них, ей пока не полагается.

Ведь самый главный принцип — это не лезть вперед, не подпрыгивать и не хватать то, до чего ты еще не дорос. Лучше взять чуть меньше, но и не слишком мало, чтобы не подумали, будто ты играешь не по правилам.

Лариса взглянула на свекровь, которая, широко улыбаясь, рассаживала гостей в столовой. Удивительная женщина, уже к семидесяти, а она все еще красива. Стройная, подтянутая, с прямой спиной. На сухом и чуть резковатом лице почти нет морщин. Одета в широкие черные брюки и простую белую блузку, на шее — нитка жемчуга, вот и все, но гости в своих остродефицитных шмотках на ее фоне кажутся колхозницами.

Вот у кого надо поучиться такту и чувству меры! Свекор женился на Ангелине, когда она была

начинающей артисткой, а он — молодым комсомольским вожаком. Когда люди счастливы в браке и по-настоящему любят друг друга, у них обычно и карьера спорится. Свекор быстро вырос в крупного партийного руководителя, а Ангелина Григорьевна стала очень известной артисткой и могла бы превратиться в звезду мирового уровня, такую как Любовь Орлова, но делать этого не стала. Разве может быть у простого завсектором ЦК супруга — кинозвезда? У генерального секретаря простая тетеха, а у какой-то мелкой сошки звезда? Впору закричать, как гоголевский Городничий: «Смотри! Не по чину берешь!»

Как только стало ясно, что перед мужем открываются блестящие перспективы, Ангелина Григорьевна перестала сниматься, посвятила себя преподавательской работе во ВГИКе. Жена-профессор — это можно. Это хорошо. Респектабельно, скромно и не так раздражает глыбообразных вышестоящих жен.

Свекровь продумывает каждую мелочь. Кажется, простой ужин в семейном и дружеском кругу, но меню составлено просто виртуозно. Ничего не жаль для таких дорогих гостей, но с другой стороны, ни в коем случае нельзя показать, что у тебя более высокий уровень обслуживания, чем у них, и ты имеешь доступ к чему-то большему. Нельзя, чтобы вышестоящие думали, что ты хочешь урвать их кусок, а нижестоящие завидовали слишком сильно. Но и совсем скромничать тоже нельзя, наоборот, нужно демонстрировать, что ты зависишь от своих привилегий, как алкоголик от вина, и ради них сделаешь все что угодно. Иначе система не может тебе доверять.

Три года назад Никита стал директором крупного научно-производственного объединения. Большой пост, но занял он его всего в тридцать два года. Многие номенклатурщики всю жизнь идут к тому, с чего он начал, поэтому не грех быть чуть поскромнее других, примерить на себя образ молодого демократичного руководителя. Не «Волга», а «Жигули», квартира хоть трехкомнатная на двоих, но небольшая и не рядом с «нашей ленинградской», а в новом доме. И простенький шалашик в дачном поселке вместе с другими трудящимися. А молодая жена — обычная аспирантка в ЛГУ, ездит на троллейбусе и о шубе даже не мечтает. Всем видно, что Никита не просто сынок, который дорвался. Нет, он занял директорский пост, потому что компетентный специалист и талантливый руководитель, а не потому что высокопоставленный папа нашел способ пристроить чадо к номенклатурной кормушке.

Эти тонкости чувствуют только женщины, поэтому так важно, чтобы жена была из ближнего круга. Поэтому, наверное, родители мужа и любят свою невестку, хоть она до сих пор не подарила им внука. Зато она понимает нюансы и постоянно в них совершенствуется.

Взять хоть пирожки. На первый взгляд, ничего особенного, а на самом деле четкое послание: «Мой муж выше ваших по должности, но я не погнушалась собственными руками приготовить для вас еду. Видите, я считаю вас равными себе и жду ответной любезности».

Лариса усмехнулась. Странно, что еще полгода назад эти дурацкие условности восхищали ее, и умение в них разбираться представлялось на-

стоящей светской утонченностью. А ведь если вдуматься, обычное лицемерие, ничего больше.

Тут она поймала встревоженный взгляд Ангелины Григорьевны и заставила себя улыбнуться. Будем надеяться, что отрешенность сойдет за скромность.

После ужина дамы по английскому обычаю перешли в гостиную, а мужчины остались за столом с бутылкой коньяка.

Лариса хотела убрать остатки еды и помыть посуду, но Ангелина Григорьевна мягко приобняла ее за талию:

— Не надо, деточка.

— Но...

— Без «но». Привыкай быть хозяйкой, — свекровь оглянулась и, убедившись, что в кухне никого, кроме них, нет, негромко продолжала: — Скоро Никиту должны сделать замминистра. Тьфу-тьфу, чтобы не сглазить.

— Правда?

— Вопрос практически решен. Боюсь, милая, девочку придется оставить в прошлом, пора тебе становиться дамой, моя дорогая.

— Но чай давайте все-таки я подам.

— Да, так будет правильно. Ты здесь самая молодая и не гостья, а член семьи. А мужчинам, если не трудно, отнеси кофе в столовую, чтобы они могли спокойно поговорить о делах.

Лариса кивнула и принялась снаряжать сервировочный столик на колесиках.

Ангелина Григорьевна хотела вернуться к гостям, но с порога вдруг вернулась и внимательно посмотрела Ларисе в лицо:

— Ты будто не рада, деточка?

— Что вы, Ангелина Григорьевна! — пробормотала Лариса. — Просто не хочу спугнуть. Мало ли что...

— Медведь если еще и не убит, то смертельно ранен точно.

— А этот кошмар?

— Что, деточка?

— Этот кошмар не помешает?

— Ну что ты... Никита — директор, его дело выполнять план, а о политико-моральном состоянии сотрудников пусть у партийных органов голова болит. Это им придется отвечать, что развели такую грязь в своих рядах.

Свекровь потрепала ее по щеке и ушла в гостиную, а Лариса взяла большой фарфоровый чайник и насыпала заварки из жестяной коробки, с которой на нее пристально смотрел индус в чалме.

— Такие дела, — сказала Лариса индусу, глубоко вдохнула терпкий аромат чайного листа и захлопнула крышку.

Пока чайник закипал, она ставила на сервировочный столик нарезанный «Наполеон» и вазочки с конфетами. Хорошо, что свекровь позволила ей немножко побыть одной, чтобы осознать новость, хотя это и не бог весть какой сюрприз. Так планировалось с самого начала: Никита проявит себя на должности директора предприятия всесоюзного значения, наверху оценят его талант руководителя и пригласят в центральный аппарат. Уезжая с мужем в Ленинград, Лариса знала, что это ненадолго, но думала, что успеет защитить диссертацию здесь. Ей казалось, НПО должно под началом мужа триумфально перевыполнить хоть один пятилетний план, чтобы его признали гением управле-

ния. Но, видимо, наверху и так насчет Никиты все ясно.

Она — жена, и ее дело любить мужа и радоваться его стремительной карьере, а что да почему, ее не касается. Главное, она вернется в Москву, снова будет жить рядом с родителями и любимыми подружками, не говоря о том, что замминистра — это уже совсем другой уровень, чем директор НПО. Да, сейчас она имеет доступ к любым продуктам и не стоит в очередях, одежду и обувь тоже покупает в спецмагазинах, только вот готовить, стирать и гладить приходится самой, так же как и убирать, пусть и с помощью импортной техники. Что ж, после повышения Никиты эти заботы отпадут. У них появится обслуга. Какая-нибудь милая женщина средних лет, которая станет делать всю домашнюю работу и постукивать наверх, а как без этого?

«Ну и стучи, — сердито бросила Лариса этой воображаемой женщине, — ничего ты на меня не накопаешь!»

Закипевший чайник пронзительно свистнул, из носика вырвалась длинная и узкая струя пара, Лариса поскорее выключила газ, налила кипяток в фарфоровый чайник, надела на него аскетичный конус, заменяющий в этом доме вульгарную чайную бабу, и осторожно повезла сервировочный столик в гостиную. Посуда мелко и противно дребезжала.

Свекровь быстро встала и приняла у Ларисы столик на пороге комнаты, а невестку, коротко приобняв, усадила на диван. Тонкий жест. Ангелина Григорьевна о своем детстве темнит, недоговаривает, но воспитание получила явно не в совпартшколе.

Лариса вспомнила, как боялась представляться родителям жениха, а мама так просто обмирала от ужаса и, кажется, втайне мечтала, чтобы свадьба не состоялась.

Отец будущего мужа действительно оказался замкнутым и неприветливым человеком, зато Ангелина Григорьевна сразу заявила: «Я считаю, что родные люди должны поддерживать друг друга, а не мучить. Конечно, без некоторых шероховатостей мы вряд ли обойдемся, но классические дразги свекрови и невестки давайте оставим простолюдинам».

Вспомнив, как переглянулись при тех словах ее родители, Лариса невольно вздохнула. Когда она была маленькой, о таком немислимо было даже заикнуться. Народ и партия в едином порыве стремятся к коммунизму, где не будет никакого деления на простых и непростых. Не дай бог проскользнет или кому-то просто покажется, что ты ставишь себя выше рабочего! Ты такой же, как все, только много и упорно трудился на благо общества.

А теперь высокомерие и снобизм вдруг перестали быть страшным грехом, особенно среди жен. Можно не только сказать «простые люди, плебеи, гегемон», но и носик при этом сморщить. В узком проверенном кругу, конечно. И аристократическими корнями, от которых раньше открещивались, вдруг начали осторожно похваляться. Иносказательно, намеками, но течет, течет в нас голубая кровь...

Ангелина Григорьевна молчит, не ввязывается в подобные разговоры, но ее породистое лицо с высокими скулами и изумительная осанка красноречиво свидетельствуют о благородном происхождении.